

*Давыдова Екатерина Владимировна
независимый исследователь, Москва*

**ИВАН КОНЕВСКОЙ (ОРЕУС) О РОССИИ И ЕВРОПЕ:
К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЛИРИКЕ РАННЕГО СИМВОЛИЗМА**

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам поиска русской национальной идентичности в поэзии и прозе русского символиста Ивана Коневского (Ореуса). На материале стихотворений, эссе и статей поэта анализируются отношение Коневского к дихотомии «Россия/Европа», европейским влияниям в русской культуре, к особенностям русского национального самосознания и его отличии от европейского типа мышления. В работе уделяется внимание образам-символам варягов, былинных богатырей, Петра I, Петербурга, воплотившим значимые для поэта идеи, связанные с проблемой национальной идентичности.*

***Ключевые слова:** Иван Коневской (Ореус), русский символизм, русская национальная идентичность, европейское влияние в русской культуре, философия всеединства.*

***Abstract.** The article is devoted to the search for national identity in poetry and prose by the Russian symbolist Ivan Konevsky (Oreus). Based on the material of the poet's poems, essays and articles, questions are analyzed, for example Konevsky's attitude to the dichotomy "Russia /Europe", European influences in Russian culture, the peculiarities of Russian national identity and its difference from the European type of thinking. The article pays attention to the symbols of the Varangians, Russian epic heroes, Peter I, St. Petersburg, who embodied ideas significant to the poet related to the problem of national identity.*

***Keywords.** Ivan Konevskoy (Oreus), Russian symbolism, Russian national identity, European influence in Russian culture, philosophy of unity.*

Исторические пути России и Европы, оценка европейского влияния на культуру России, разграничение собственно «русского» и заимствованного, воспринятого от европейских стран – вот вопросы, которые на протяжении столетий волновали не только историков, политиков и общественных деятелей, но и писателей. Вопрос о соотношении собственно «русского» и европейского в культуре России –

дин из ключевых в российских поисках национальной идентичности, поэтому полностью миновать проблему дихотомии «Россия/Европа» вряд ли кому-либо из писателей удалось.

Не был исключением и Иван Коневской (Ореус), поэт, вступивший в литературу в самом конце XIX в., мелькнувший, словно метеор, на небосклоне русской поэзии, погибший в двадцатитрёхлетнем возрасте и оставивший яркий след в памяти своих современников. Коневской, несмотря на молодость, сумел произвести сильное впечатление на коллег по цеху: его личностью, силой и глубиной мысли были очарованы Брюсов и Блок, Бальмонт и братья Билибины, а влияние его взглядов и поэзии испытывали Мандельштам, Гумилев, Пастернак и другие [1], [2], [3], [4]. Коневской обладал широким кругозором и глубокими аналитическими способностями; к рубежу веков он сформировал свою – цельную и весьма зрелую – философско-эстетическую концепцию, и значительное место в этой концепции отводилось размышлениям о русском и европейском искусстве, роли исконно русских и европейских традиций в формировании российского типа культурного и художественного мышления.

Если говорить об образах России и Европы в лирике Коневского, то при первом рассмотрении внимание литературоведов [5, с. 158] привлекает одно из самых известных его стихотворений – «Пел на юге весь мир я окрестный...», в котором возникает характерная для русского и европейского мышления дихотомия «Россия/Европа»:

Пел на юге весь мир я окрестный,
Здесь я снова в себе буду рыться.
Безотрадный ты, край, бессловесный!
Никуда от тебя не укрыться!

Чую – вновь меня мгла поглощает,
Стих мой тоже стал вял и беззвучен.
Втихомолку и сердце скучает,
И уж солнцу любить я разучен. [6, с. 187]

Стихотворение написано Коневским по возвращении из путешествия по Европе, «за Кёнигсбергом, на дороге к русской границе» [6, с. 187], и в нем находит отражение ярко выраженное представление о России как о сумрачной северной стране. Образ России связан с эмоциональным спадом, мглой, тоской, вялостью, скукой, беззвучием, но вместе с тем с самоанализом и рефлексией. Европа же является собой условный «юг», представленный в светлых, солнечных тонах. Это стихотворение отражает широко растиражированный в массовой культуре миф

о «холодной России» и может создать представление о Коневском как о «западнике». Однако взгляд Коневского на Россию и Европу намного шире: Русь для поэта многолика, равно как и Европа. При этом некоторые суждения Коневского с позиций современного читателя могут показаться странными или парадоксальными.

Европа четко разделена в представлении Коневского на европейский север и европейский юг. Граница между севером и югом Европы проходит по Альпийскому хребту; соответственно «юг» начинается с италоязычных кантонов Швейцарии и с Италии, а север включает северные кантоны Швейцарии, Германию, Австрию, Нидерланды, Англию – страны, расположенные к северу от Альпийского хребта. Север и юг воспринимаются Коневским по-разному. Юг связан с теплыми, залитыми солнцем пейзажами и с наследием греко-римской культуры. Европейский север вызывает ассоциации с более суровой природой, величественными горными ландшафтами, а также и с образами германской мифологии, немецким романтизмом, прерафаэлитами, европейским символизмом (эссе «Превращение», «По ту сторону Альп») [6, с. 124 – 127].

А что же Скандинавия и Финляндия? Любопытно отметить отношение Коневского к варягам. Слово «варяги», как известно, использовалось на Руси для собирательного обозначения военных наемников, основной костяк которых составляли выходцы из Скандинавии. Образ варягов чрезвычайно важен для Коневского и появляется в его творчестве неоднократно, что связано с происхождением поэта: его род – род Ореусов – имеет шведские корни, поэтому в стихотворениях лирический герой часто отождествляет себя с варягами: «Я варяг из-за синего моря...» («С Коневца») [6, с. 58]. Но вместе с тем варяги не описываются Коневским как европейский этнос или как носители европейских ценностей. Варяги воплощают буйное, неудержимое начало, они, скорее, представлены как легендарные «служители властительных богов» [6, с. 221], и в них нет ровным счетом ничего от «просвещенных европейцев». Также у Коневского варяги не ассоциируются ни с одним из европейских государств: они были побеждены русскими властителями:

Побил их царь пустынного предела,
Как степь, воздушен, светел и широк.

Он заливался бешеным весельем,
Ликуя, светоч жизни он сжигал.
В нем кровь зверей горела горьким зельем.
Он, край спалив, державу воздвигал. [6, с. 221]

«Царь пустынного предела», разбивший варягов и создавший державу, ассоциируется с разными историческими фигурами: возможно, это Александр Невский, разбивший шведов в 1240 г. [7, с. 272]. Мы более склоняемся к версии, что Коневский имел в виду Петра I, выигравшего Северную войну, в результате которой Россия получила не только выход к Балтике, но и обширные территории, принадлежавшие прежде Швеции. Творчеству Коневского была свойственна цикличность обращения к тем или иным образам и темам, и образ Петра неоднократно возникал в его поэзии и лирической прозе, что свидетельствует в пользу этой версии.

Как бы то ни было, варяги у Коневского побеждены Русью и ассимилированы русской культурой, впитав ее язык и ее веру – те коренные начала, которые являются ключевыми для осознания самоидентификации поэта и связаны «с представлением о собственной национальной и культурно-исторической идентичности» [1, с. 27]:

Я – варяг из-за синего моря,
Но усвоил протяжный язык,
Что, степному раздолию вторя,
Разметавшейся негой велик.

Легкокрыло той речи паренье,
И ясна её смелая ширь,
А беспутное с Богом боренье
В ней смиряет простой монастырь. [6, с. 58]

Принципиально важными является здесь образ православного монастыря, устоя, воздвигнутого на уступе скалы. Монастырь олицетворяет идею смирения, покоя, единства с Богом и миром, достигнутые в суровой борьбе с природой и собственным мятежным духом. Характерно, что и свой псевдоним юный поэт со шведской фамилией Ореус избрал по названию Коневского Рождество-Богородичного мужского монастыря, построенного на острове Коневец. Это сочетание варяжского (буйного, беспутного, дикого) и русского, православного (раздольного, широкого, протяжного, склонного к смирению) определяет национальное самосознание поэта.

Похожим образом обстоит дело и с восприятием финской культуры. Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи и воспринималась Коневским как «финская Русь», которая была «воспринята им сильно, уверенно» [8, с. 599]. В финской «Калевале» поэт черпал вдохновение, но не ассоциировал финские земли с Европой. Более того, финское влияние на русский менталитет

и русскую культуру в восприятии Коневского оказывается сродни степному, азиатскому влиянию. Так, рассуждая в статье «Две народные стихии» о «русском духе», поэт выделяет две его разновидности: «общерусский» и «великорусский». Последний «лёгким, нежным и ясным славянским воздухом обвеивает суровую, дерзкую и решительную ширь, по которой то и дело играют разноцветными призраками дикие, жгучие и яркие беспутства души: эти беспутства – происхождения восточного туранского и северного туранского (финского)» [6, с. 101 – 102]. В этом любопытном фрагменте используется введенный М. Мюллером термин «туранские языки», объединявший по агглютинативному признаку в одну языковую семью те языки Евразии, которые не вошли в индоевропейскую, семитскую и китайско-тибетскую семьи. Таким образом, к «туранским» языкам причислялось большое количество языков – от кавказских до уральских (и финский в том числе). В конце XIX века этот подход подвергался серьезной критике, равно как и крайне политизированная «туранская теория» Ф. Духинского, и термин «туранские языки» постепенно выходил из обращения. Для нас же интересен контекст использования этого термина у Коневского: в представлении поэта восточный дух и северный финский дух в равной степени привносят «дикие, жгучие и яркие беспутства души», что сильно отличается от представления о финском характере как о спокойном и размеренном. Вероятно, в «финской Руси» Коневской видел то же варяжское наследие – буйное, неумное, воинственное, которое смиряют в наследниках варяжской крови православие и русская речь.

Общими особенностями русского национального духа Коневской считает «преданность единому и духовному Богу», забвение «собственной жизни», «дейтельную помощь», «подвиги воздержания», «крестоносное самопожертвование», «самозабвенную покойность и покорность», «самозабвенное неистовство» [6, с. 102 – 106].

Эти особенности русского менталитета отличаются от европейского (например, германского). Русский менталитет «всеедин», поэтому «не чувствует ... величайшей загадки бытия – разделения между личностью и миром» [6, с. 103]. Европейское мышление более индивидуализировано, сосредоточено на личности отдельно взятого человека, поэтому «в лукавой германской тактике относительно таинства мировых сил – больше самоощущения личности, независимости ее: потому же и восприятие тех же непонятных мировых сил независимее, выделеннее, явственнее» [6, с. 103].

Символами национального русского сознания являются для Коневского «старшие богатыри»: Святогор, Микула Селянинович, Волх (Вольга). «Угрявший в земле» Святогор олицетворяет мощь земли, ее незыблемость и вечность: «Ты всюду и всегда; иного нет, как ты» [6, с. 218].

«Неповоротливый» Микула – олицетворение труда и той дани, которую человек отдает земле, чтобы вырастить семя:

Он в поле от жары и от дыханий пышет,
И семена в земле рожают только им. [6, с. 220]

Самой интересной фигурой для Коневского является Волх:
Так! Дивный оборотень, хитрый, мудрый змий,
Ты зорким оком зрел зараз полдень с полночью.
Ты чутким ухом внял трезвонам двух Софий.

Ты чуял, вещей Волх, как корень рос, воочью.
В тебе был сизокрыл-орел, был волк седой.
Проник ты в жизнестрой, в тела, ко средоточью.

Ты слово знал. В нем свет, в нем жар, в нем – влаги бой.
Заклятье бытия – о мечта и разуменье:
То обаяние души – плоти живой.

В размахе Думы – Русь, размер без измеренья.
Рядил ты суд и строй в уделе пущ своем.
И тут же ткнул копьем в стол южного княженья. [6, с. 219]

Волх воплощает в себе языческую мудрость, владение словом (а язык для Коневского – это последний оплот национальной идентичности), причем не просто словом, но словом заклатья, что делает Волха – творцом и жрецом. Но наряду с этой языческой мудростью Волх воспринял и православие: «он внял трезвонам двух Софий». Все это позволяет Волху подчинять себе земли и престолы. И вместе с тем Волх – «хитрый оборотень». Эта «оборотливость», мудрость дает возможность понять, воспринять и впитать иные культуры. И поэтому будущее – за Волхом.

Вместе с тем отношение к взаимовлиянию и смешению культур у Коневского было неоднозначным. С одной стороны, исторически именно смесь культур, языческих традиций и православия, рождает то, что становится русским типом мышления – и эти мотивы буквально пронизывают лирику Коневского.

Но есть и иные аспекты освещения этой темы. Например, Коневской весьма скептически относился к европейскому влиянию в русской архитектуре. Так, он считал, что древнерусское зодчество «умерло», а Петербург – это «подделка под европейский город, нечто вроде ярославской мадеры» [6, с. 260].

Вообще в размышлениях о национальной идентичности тема Петербурга и Петра Первого возникает закономерно: именно Петр «Россию поднял на дыбы», изменив традиционный уклад русской жизни и привнес в нее европейские традиции. Образ Петра возникает в стихотворении Коневского «Среда», одном из наиболее спорных и неоднозначных:

И безумные дни наступили,
Царство демона древней Москвы,
Антихриста отеческой были,
Кто чрез дебри прорыл свои рвы.
Порываясь к морям ненавистным,
Он низвергнул свой град родовой,
И, кипящий стремленьем корыстным,
Вел пиры на земле неживой.
Так воздвигнут им город плавучий,
Город зыбкий, как мост на плотах.
Вдоль воды, разливной и дремучей,
Люди сели в бездушных дворцах. [6, с. 222]

В изображении Коневского Пётр – это «демон древней Москвы», «Антихрист отеческой были». Эти строки позволили, например, Дж. Гроссман, утверждать, что Пётр для Коневского – это «Антихрист, каким он предстаёт в народном воображении. Губитель всего, что живо и свято, он безжалостно исказил благородный образ Руси во имя примитивного стремления к обогащению» [9, с. 231]. Однако такая точка зрения представляется нам несколько тенденциозной. «Демон» для Коневского не синоним к понятию «дьявол». В статье «Олицетворения сил» Коневской, рассуждая о том, что все элементы природы, созданные по единым законам «силы членораздельности», могут, подобно человеку, обладать «нераздельными с ними душевными движениями», пишет: «Таким же образом вполне можно допустить проявления других сил, издревле получивших название демонических, не только в движениях человеческого духа, но и самостоятельно, в виде отдельных личностей. Такие проявления этих сил и есть то, что издревле называли демонами» [6, с. 93]. Демон – это «отдельная личность», воплощающая природную силу. Таким и предстает Петр: это хтонический образ и одновременно творец, «гений полудня» [6, с. 260], олицетворение силы, покоряющей, пересоздающей, преобразующей природу. Петр не «губитель всего, что живо и свято», ибо сама земля, на которой он возводит Петербург, пуста и безжизненна, это «неживая земля», отравленная болотными испарениями, земля, на которой никто не приживался:

Здесь граждан коренных не бывало;
Здесь заглохли и выдохлись финны,
Шведы строили крайний оплот,
А на них новгородцев дружины
Направляли свой беглый налет.
Так он пуст был века за веками
Этот край островов и паров.
Меж озёрами, морем, реками
Он продрог под боренье ветров. [6, с. 222]

К восприятию образа мертвой земли читателя готовит эпитафия: «Не земля, а так – одна зыбь поднебесная, и один солдатик сторожевой стоит» [6, с. 222]. Эпитафия является отсылкой к рассказу П.М. Садовского «Наполеондер», с которым Коневской мог быть знаком благодаря роману А.Ф. Писемского «Масоны» или исполнению И.Ф. Горбунова: «Там нет ни неба, ни земли, ни воды, одна зыбь поднебесная. Часовой ходит» [10, с. 275]. В «Наполеондере» эти строки описывают остров святой Елены, куда был сослан и где умер Наполеон. По сути, это могила, мертвая земля. И само название стихотворения – «Среда» – следует толковать не как день недели, а как совокупность природных условий. В этом значении название связывает эпитафия с текстом и апеллирует к самому топосу: земля, где стоит город – это могила, а в такой среде невозможно построить дом для человека.

Мотив бесплодной земли, на которой человеку невозможно пустить корни, связан с идеей угасания старинных дворянских родов, но вместе с тем в финале стихотворения появляется новый тип героя: люди буржуазной формации, поднявшиеся за счет торговли, предпринимательства, государственной службы. Эти новые люди представляют собой не просто сплав культур, но нечто новое – «самородное»:

От казны, от торгов, от заводов,
Не от благ, что из почвы идут...
Так кончаются лица народов –
Самородные лица грядут! [6, с. 223]

Дж. Гроссман трактует стихотворение «Среда» так: «С точки зрения Коневского, преступления Петра и против природы, и против традиции были в равной мере отвратительны, и все это было одним ударом, нанесенным по тому, что было лучшего в России в ее прошлом и настоящем. <...> В «Среде» она [культура – Е.Д.] оказывается побежденной массами тех, кого он окрестил “самородными лицами”, пришедшими из ниоткуда. <...> Так, Коневской воспринимал Петербург – как полное

вырождение и упадок» [9, с. 231 – 232]. С нашей точки зрения, вряд ли стоит расценивать это стихотворение как некий культурный приговор Петербургу и Петру, уничтожившему традиционную русскую культуру. Несмотря на то, что слова «самородный» в контексте стихотворения напрямую связано с понятием «род» (а любой дворянский род обречен на гибель в мертвой среде), все же нельзя не учитывать и традиционное значение слов «самородок», «самородный», а они имеют в русском языке положительные коннотации. Скорее, Коневской рассматривает смену культурных парадигм и смешение народов как неизбежность, закономерный ход истории, в котором «и речь, и ... телесное обличие затеряются и затонут в водовороте земных природ, народов и культур» [6, с. 107].

И все-таки Коневской верил в будущее русского духа, залогом чему служила близость к пониманию тайн бытия, к простому и безусловному принятию Бога. В заметке «Завет русскому человеку» он писал: «Если все и не есть, то всему можно быть в каждом, и если каждый и не есть, то каждому можно быть во всём. <...> Но то, что есть ... это единство полноты и разноличья, живое всеединство» [6, с. 289 – 290]. Коневской, впитав идею В.С. Соловьева о всеединстве, не высказывал мыслей о жертвенности русской культуры ради Европы, но, давая завет современникам, утверждал, что русскому человеку, привыкшему к шири и масштабам, нужно научиться ценить малое, в себе самом видеть заключенное мироздание. Иными словами, Коневской, «мудрое дитя» русского символизма, указывал свой путь к сохранению национальной идентичности: обретение равновесия и гармонии между духом и миром через понимание единства человека, мира и Бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавров, А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации / А. В. Лавров. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 768 с.
2. Мордерер, В. Я. Блок и Иван Коневской / В. Я. Мордерер // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. – М. : Наука, 1987. – С. 151 – 178.
3. Степанов, Н. Л. Иван Коневской. Поэт мысли / Н. Л. Степанов / Предисловие, публикация и комментарии А. Е. Парниса // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 4. – М. : Наука, 1987. – С. 179 – 202.
4. Ямпольский, И. Г. Иван Коневской. Письма к Вл. В. Гиппиусу / И. Г. Ямпольский // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушк. Дом). – Л. : Наука, 1979. – С. 79 – 98.
5. Кара-Мурза, А. А. Поэт-философ Иван Ореус-Коневской – культовая фигура «русского северянства» серебряного века / А. А. Кара-Мурза // Человек. – 2020. – Т. 31. – № 3. – С. 155 – 172.

6. Коневской (Ореус), И. И. Мечты и думы. Стихотворения и проза / И. И. Коневской (Ореус). – Томск : Водолей, 2000. – 640 с.
7. Коневской, И. Стихотворения / И. Коневской / Вступ. ст., сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова. – СПб.; М. : Издательство ДНК, Прогресс-Плеяда, 2008. – 298 с.
8. Блок, А. А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 5. Проза 1903 – 1917 гг. / А. А. Блок. – М. – Л. : Худож. лит., 1962. – 800 с.
9. Гроссман, Дж. Д. Иван Коневской, «мудрое дитя» русского символизма / Дж. Д. Гроссман / Пер. с англ. Н. Мовниной, К. Федоровой. – СПб. : Издательство Пушкинского Дома: Нестор – История, 2014. – 308 с.
10. Сариева, Е. А. Художественное своеобразие рассказа П. М. Садовского «Наполеон-дер» / Е. А. Садовского // Вестник славянских культур. – 2022. – Т. 64. – С. 270 – 278.